

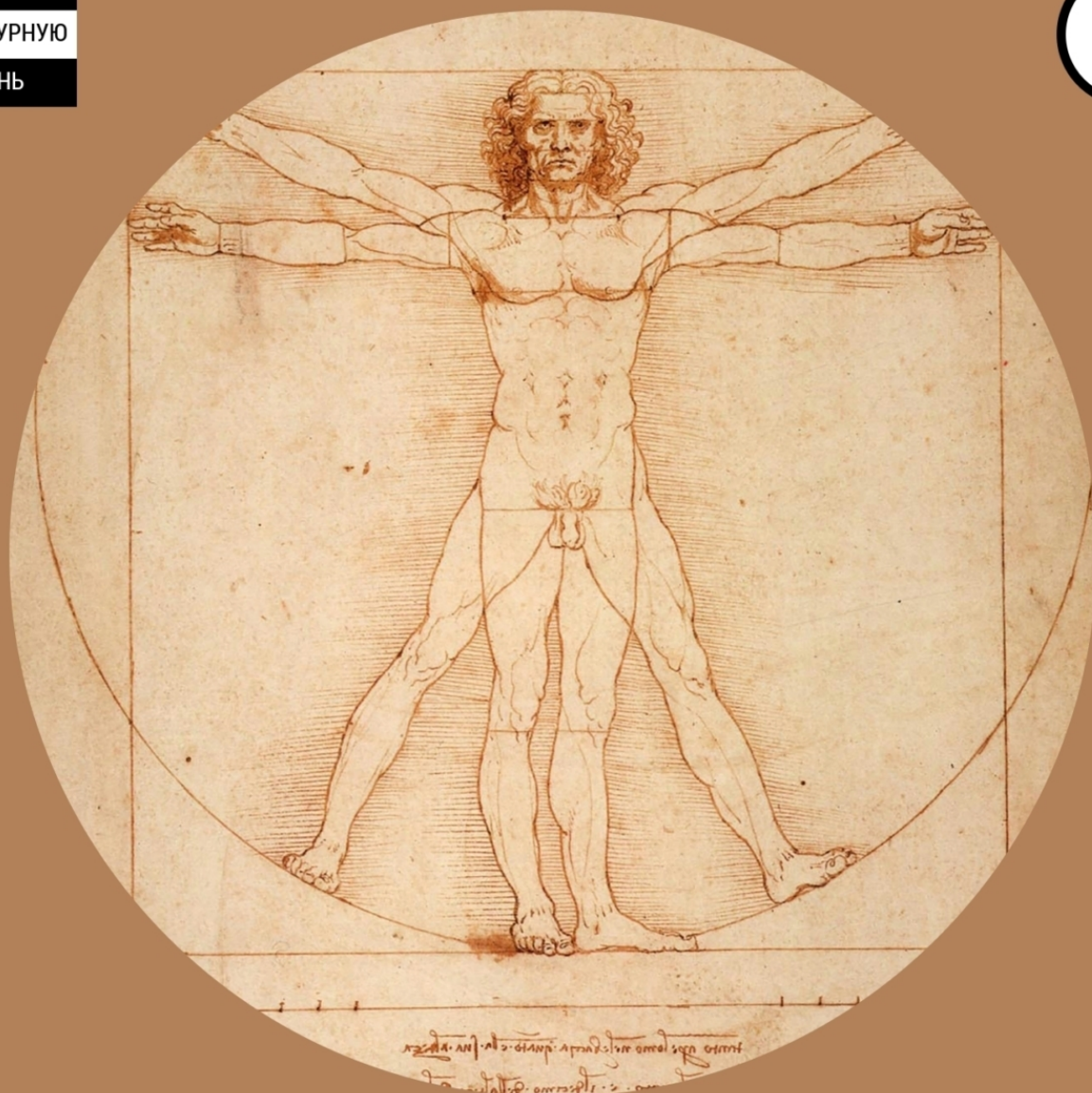
Тарас Опарик

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Пинок сонетов

Тарас Опарик
Пинок сонетов (2020)

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Опарик Т. В.

Пинок сонетов (2020) / Т. В. Опарик — «ЛитРес: Самиздат»,
2020

Первый сборник стихов. Стоит ли что-то ещё добавлять? Лучшее за 12 лет творчества. Столько сил, переживаний, влюблённостей и любви. Столько ошибок, неточностей, разгильдяйства. Поэзия на грани классики и эклектики, боли и вдохновения. Поэтический панк-рок и мысли о судьбе мира и человечества. Гениальность простых высказываний и витиеватость пьяных потоков сознания. Всё здесь. Все приглашены! Содержит нецензурную брань.

Содержание

«А в небе над нами летали слоны...»	7
К сердцу	8
Домой	9
Недомой	10
«Вокзалы, пути, поезда, электрички...»	11
Одиночество (Дымные кольца)	12
Про бумажного змея	13
«Вены пустые мёрзнут...»	14
«Тоска намазалась зелёной...»	15
«Слишком видимого фронта молодые ветераны...»	16
«Нахрена мне чужая жизнь...»	17
«Ему не верил даже Бог...»	18
«А на море сегодня ветер...»	19
«В полосатой больничной пижаме...»	20
«Годы в мусорном ведре...»	21
«Я победил в тараканьих бегах...»	22
«В этот вечер слишком жарко...»	23
«Скоро всех лояльных судей...»	24
Ракушки	25
Я и мой друг Бродский	26
«На улицах погасили свет...»	29
«Был человек и нет человека...»	30
«Ночная лира снова не пришла...»	31
«Ночь, запах портвейна...»	32
«Где нет любви, летают мотыльки...»	33
«Дождь бесноватый скребётся в окошки...»	34
«Семь. Камень. Огонь...»	35
«Канонада прошла. Месяц бледен, как сыр...»	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Тарас Опарик Пинок сонетов (2020)

© Поль Дельво “Фокус гробниц”

Краткое вступительное слово, без длинных рассуждений и по пунктам

1) Здесь вы найдёте стихи, сочинённые мною за последние 12 лет творческой жизни. Началась она, полагаю, гораздо раньше. И стихов за это время было написано вдвое-втрое больше. Но это то, что самому захотелось оставить и не стыдно людям показать. Прекрасная возможность отследить эволюцию автора.

2) Дату написания под стихами не ставил, так как в процессе составления сборника, многие из них подверглись редакции. И тогда справедливо было бы придать подписям вид, к примеру: “2008–2020”. Какой тогда в этом смысл?

3) Сборник. Очень хорошее слово. Была даже мысль назвать его “МУСОРО” (крупными буквами), а внизу мелко дописать “сборник”. В общем, здесь нет никакой концепции подбора произведений. Вот реально: избранное, за 12 лет. На бумажное издание денег всё равно нет и не будет.

) На клавиатуре не работает четвёрка. Оставим этот пункт просто так, веселья ради.

5) Обсценная лексика или старый добрый мат. Никогда эти словечки мне не были чужды в творчестве, никогда не боялся их произносить прилюдно, исполняя стихи или песни. Не считаю, что они чужды поэтическому слогу, если употреблены не “сами ради себя”, а для эмоционального усиления. Однако, для особо шепетильных читателей, перед каждым произведением с подобными словами, поставлю в скобках букву (Н) – ненормативная, мол, лексика. И тут же найдутся девицы, как у Ерофеева, которые полезут выискивать только те самые стишата, с буквой “Н” в заголовке.

6) Рифма на глаголы и экспериментальные стихи. Всё, баста, ребята. Поэт никому ничего не должен. Хочет на глаголы – может. Хочет ломать размеры и перемешивать прозу, белый стих и рифмы – да пожалуйста, верлибры писать и всё такое. У меня вот с пунктуацией проблемы ещё. Но драться за это ни с кем не собираюсь!

Вот и всё, пожалуй. Приятного (надеюсь) чтения!

«А в небе над нами летали слоны...»

А в небе над нами летали слоны,
Летали, кружась, никого не боялись.
И радугой за горизонт удалялись
Границы чудесной волшебной страны.
Мы были с тобою как муж и жена,
Сидели на тучах, ногами болтали,
Смеясь, мы в горящую бездну плевали
И пили остатки дурного вина.
И ты засыпала, не помня вины,
Не зная о тех, кто простил виноватых
И может во сне ты увидишь когда – то,
Как в небе над нами летали слоны.

К сердцу

Обманули тебя, первозданное,
Поцелуем фальшиво-сладеньким.
Подарили потом, как приданое
Всем неспешным пиркам и свадебкам.
И лежишь ты в какой-то лужице
Бездыханное, словно избитое,
Ожидаешь: Хозяин вступится!
И возносишь к Нему молитвы.
Ты, конечно, исполнено верою,
Лоскутками вчерашней нежности.
Твои ангелы в небо серое
Улетев, пропадают без вести.
Безобидное моё, бедное,
Ожидаешь, как прежде, лучшего.
А тоска обручами медными
Задавила тебя, замучила.
Ты прости, что я неприкаянный
Всё на сны уповаю вещице.
Но я знаю: не станешь каменным
И останешься Сердцем вечным.

Домой

Железно-слепые кишки поездов,
А в тамбуре снова пьянящие рожи,
На стенах кудрявые тени голов
Похожие в сумраке чем-то на розы.
Я еду куда-то, быть может, домой
И робко молюсь, чтоб не ехать назад.
Стекло протирая холодной рукой,
Я страшные чьи-то увидел глаза.
А там, за окошком, небес простыня,
Обгрызенный месяц и звёздные крошки...
Я еду в надежде, что вмажут меня,
Я еду и знаю: осталось немножко.
И вдруг мы уже в жутком белом тоннеле —
Как будто у шприца несёмся внутри.
И вроде на волю безумно хотели —
Не вышло. Осталось пойти покурить.
Всё далее рельсы уходят, уносят.
Мелькают бетонные стелы столбов.
И ангел тихонько прощения просит,
И вену иголкою колет мне вновь.

Недомой

Я ехал с ней вместе, опять недомой —
Дорога всё рельсилась, рельсилась.
Ах, если бы это видала любовь,
Она бы, наверно, повесилась.
Спиною вперёд, как всегда у окна,
Глаза наполнял темнотою.
По правую руку сидела она —
Молчали. Да, это святое...
Хотя я томился, хотел подобрать
Слова, чтобы не расставаться.
И не ощущал ни тепла, ни добра.
Да мало ли в жизни ситуаций.
Но бесы плясали в моей голове,
Будили уснувшие страсти,
Казалось мне, что среди сотен невест
Я с ней лишь найду своё счастье...
По рельсам катились колёса и вновь
Мне прошлое в окнах мерещилось.
Ах, если бы это видала любовь,
Она бы, наверно, повесилась.

«Вокзалы, пути, поезда, электрички...»

Вокзалы, пути, поезда, электрички,
Пейзажи за окнами стёрты до дыр.
И чувство любви, как подмокшая спичка,
Погаснет, и тьмою накроется мир.
Но это на время, разлука иголкой
Задержится в сердце, и станет терзать.
Поставишь закрытую книгу на полку,
В проблемные будни ворвёшься опять.
Забудется всё в этой жизни сумбурной:
Все формулы, все формуляры и формы.
Очнёшься от громкого крика дежурной:
"Сойдите, пожалуйста, с края платформы".

Одиночество (Дымные кольца)

Газеты, обои, ковёр, потолок – это комната.
Светильник с главою повинною на подоконнике.
От холода пальцы немеют и взгляд, как у робота
И снова припёрлись меня отпевать покойники.
Спрятались в угол, бормочут, стоят со свечками.
Я сижу, наблюдая за их отражением в зеркале.
Сигарета, затяжка – и вот замелькали колечками
Сплетения дыма, и стали для времени мерками.
Ну чего вы стоите? Припёрлись, так сядьте и выпейте!
Эй ты, справа который, поставь свою свечку поближе.
Вы хоть сдохли давно, не забыли как водка выглядит?
А такую сейчас выпускают, что пальцы оближешь.
Сели и выпили, те в одну точку устались.
Говорю, расскажите про всё: где вы были, что видели?
И каким, говорю, вы теперь подчиняетесь правилам?
Да получше ли там, на том свете, живётся с правителем?
А они отвечают: нормально, там водка дешёвая,
В пивняках не дерутся, блюют, тихо спят под столами
И вообще, говорят, там житьё – не твоё, бестолковое.
Что же здесь тебя держит? Вставай и пойдём вместе с нами!
Ну а я приложился к бутылке, допил и выбросил
Посидел, помолчал да и вышел курить на балкон,
Тут спеши – не спеши, всё равно ты у Смерти на выпасе.
Докурил и вернулся. Прогнал эту шушару вон...
Утро резало солнцем, пилило сквозь шторы занавес,
Я плевал в тишину и шипели плевки на солнце,
Глаза об осколки острых лучей поранились
И рассыпались брызгами белые дымные кольца.

Про бумажного змея

Я толкаю бумажного змея:
Упирается он, не взлетает
И не хочет быть ветром овеян,
Всё боится, что в небе растает.
Жизнь – игра, выбор – та же рулетка:
Ты увидишь вершины и скалы.
Или просто зависнешь на ветке,
Чтобы ветром тебя разорвало.
А быть может, и в жаркое пламя
Упадёшь из ручонки негодницы.
Ты конечно же выиграешь "камень",
Но вот вряд ли спасёшься от "ножниц".
Может статься, увидишь рассветы,
Что не видел доселе прекрасней.
В вышине побратаешься с ветром,
И он больше не будет опасным...
Не поддался он на уговоры,
Не взлетел высоко, к самым пикам,
Предпочёл познавать за забором
Мир по шуму и уличным крикам.
Не хотел он из кокона выпасть,
Ну так что ж, убеждать не умею.
И за пару рублей, чтобы выпить,
Я «толкаю» бумажного змея.

«Вены пустые мёрзнут...»

Вены пустые мёрзнут,
Крикнуть бы в них – не услышат.
По ним разгулялся воздух,
Стенки изгрызли мыши.
Пот высыхал, выступая,
Инеем мелкой соли.
И вот на руках не тает
Белое, снежное поле.
Кожу морозом коробит,
Холодом кожу морщит,
С бетона следы моей крови
Тряпкой сотрёт уборщик.
Пусть! Не твоей молитве
Меня поднимать из гроба.
Скажешь спасибо бритве.
Теперь мы свободны оба.

«Тоска намазалась зелёной...»

Тоска намазалась зелёной
И сразу стала ещё хуже.
Я чувствую себя ребёнком,
Который жалок и простужен.
И, сиротливо озираясь,
Иду через ветра и снег,
Через заборы и сараи
Навстречу северной луне.
Оставив прошлое в квартире,
Где сам собою был гоним,
Где, словно в розовом зефире,
Неслышно проплывали дни.
И не сказать, чтоб надоело,
А просто захотелось мне,
Уйдя, своё оставить тело
На белой северной луне.
Чтобы вот так совсем растаять,
Чтобы искали – не нашли,
И хорошо почистить память,
Воспоминанья забелив.
И вот, очищенным и белым
Взлететь, не чувствуя вины.
Взлететь, своё оставив тело
На теле северной луны.

«Слишком видимого фронта молодые ветераны...»

Слишком видимого фронта молодые ветераны
Натыкаются сердцами на стеклянные штыки,
Ну а после мелкой солью посыпают эти раны,
Чтобы болью упиваться, сжав ладони в кулаки.
Что вы делаете, дети? Что творите? Ведь и рано
Вам ещё ложится в землю, ведь не пожили ещё.
Сквозь наушники не слышат молодые ветераны
И в обёртку – оболочку каждый «воин» помещён.
Время лечит и уходит. Выстужает ветер раны.
Возноситься невозможно из-за низких потолков.
И стареют понемногу молодые ветераны,
Шрамы в сердце зарастают, но с осколками штыков.

«Нахрена мне чужая жизнь...»

Нахрена мне чужая жизнь,
И чужая судьба нахрена мне?
Тут уж держись – не держись,
Всё конечно, как вниз, на камни.
Зачастую последний крик
Так прекрасен и так внезапен.
Кожа белая – лунный блик,
На ней сборник стихов-царапин.
Временами наш мир жесток,
А местами совсем непонятен
И, наверное, он – исток
Всех несчастий твоих, приятель.
Впрочем знаешь, что это ложь,
Ты хотя бы не ври себе.
И попробуй-ка, уничтожь
То, чем дань отдавал судьбе.
Значит нужно идти, в пути
Нам посветит с небес фонарик,
И по звёздному полю катить
Этот мир, разноцветный шарик.

«Ему не верил даже Бог...»

Ему не верил даже Бог,
А люди и подавно гнали,
Сказали: так себе пророк —
Не растопил на душах наледь.
Но там, где холод лютовал
И где от зноя воздух вязкий,
Он всем пророчества кричал,
До крови разрывая связки.
Но где-то на краю земли
Он вдруг пропал, пропал с концами.
Его в Дом Скорби упекли,
Где шприцы иглами мерцали.
Но тех усилий было мало,
Ему ночами снилось детство,
Хоть днём реальность заменяло
Успокоительное средство.
Он дико плакал и кричал,
И корчился, меняя позы,
Тем самым повод дав врачам
В дальнейшем увеличить дозу.
И вот затих... без жажды чуда
Он ждал, не плача, не скуля.
Он верил, что уйдёт отсюда,
Когда разрушится земля.

«А на море сегодня ветер...»

А на море сегодня ветер
Гонит волны, холодный и злой.
Я штришком этот день пометил
Только разницы никакой.
И сижу как во сне, как в трансе,
В телефоне копаюсь порой.
Сорок пять рублей на балансе —
Набираю я номер свой.
Нет ответа, гудок короткий,
Раздосадованно молчу.
Осенило мозги находкой:
Я с собой говорить не хочу.
Ну и пусть, для себя, пожалуй,
Не нашлось бы сейчас и слов.
И уж коли вот так прижало,
Я той самой звонить готов...
Что однажды звала любимым,
Обещала, но не ждала,
Что лишь словом во мне разбила
Иллюзорные зеркала...

А на море тогда был ветер,
Рвался ввысь из последних сил.
Я потом для себя отметил,
Что в тот день никому не звонил.

«В полосатой больничной пижаме...»

В полосатой больничной пижаме
Я пятнадцатый день здесь торчу.
Я хотел в ней понравиться маме,
А понравился только врачу.
Вроде сердце в порядке и зубы,
Только печень легонько шалит.
Но не верят мои душегубы,
Говорят, что душа мне болит.
И, прибегнув в отчаяньи к силе,
Я пытался на волю успеть.
Укололи меня, уложили,
Попросили ещё потерпеть.
Санитар с подозрительно узким,
Усмехающимся зрачком,
На меня мерял модные блузки,
С очень длинным (до пят) рукавом.
Но вот ночью уйдут печали
И по тучкам пустившись вскачь,
Будет месяц зубами скалить,
Как мой добрый лечащий врач.

«Годы в мусорном ведре...»

Годы в мусорном ведре,
Годы мёрзнут на помойках.
Как в бессмысленной игре:
Что ни пьянка, то попойка.
Много крови, много песен
Много пел и танцевал.
Поцелуи, будто плесень.
Что ни яма, то провал.
Ледяные пальцы ветра
Лезут в тёплую кровать.
На последних километрах
Что не вырвано, сломать.
Наплевать на всё на свете
И, тараща в мир глаза,
Я, как буква на газете, :
Что не сказано, сказал.

«Я победил в тараканьих бегах...»

Я победил в тараканьих бегах,
Но эти награды меня не излечат,
У победителей есть только страх
Того, что на финише их покалечат.
А слава приходит только потом,
Но есть ли от славы толк,
Если осыплют лавровым листом
И подадут на стол?

«В этот вечер слишком жарко...»

В этот вечер слишком жарко,
Чтобы снова быть поэтом.
По пустым аллеям парка
Я гуляю до рассвета.
В этот вечер слишком жарко,
Солнца шар багрово-бурый.
Я бы даже стал Петраркой,
Лишь бы ты была Лаурой.

«Скоро всех лояльных судей...»

Неистовому Че

Скоро всех лояльных судей
В тюрьмах голодом уморят.
Кладбище разбитых судеб
Станет городом у моря.
Валуны на водной кромке
Слижет пенною волною
И огонь трескучий, ломкий,
Станет лёгкою золою.
Может быть ещё нескоро
Солнышко светить устанет,
Но свершатся приговоры
Человеческих созданий.
Стать бы вот царём Мидасом —
В золото портачить медь
И, моргая левым глазом,
На верёвочке висеть.

Ракушки

Паспорт как самоцель,
Стакан вчерашней воды.
В автобусе пахнет духами
И мытыми волосами,
И свежими огурцами,
Как пахнет везде, где находишься ты.
Сегодня ночью я шёл Домой
И рядом со мной шёл Ангел.
Его лицо освещалось белым
И саван, будто посыпан мелом.
Он подошёл и спросил несмело,
Не будет ли у меня закурить.
Ветер в твоей голове,
Месяц в твоей постели.
Свобода прилипла как мокрое платье,
Мне душно ломиться в чужие объятия.
Я тих, словно пульс на твоём запястье,
И болен словно рана на теле
Земли.
Притихший лес замёрз,
Он стоит твоих слёз.
И иней покрыл твои бледные губы,
Рызрыв-траву не находят трупы
Любить прекрасное было грубо.
И сколько так можно жить?

Я и мой друг Бродский

Телефонная трель звенит тревожно,
Ломает тело, подняться сложно,
Но это долго терпеть невозможно,
А тут и мигрень раскаленной занозой.
Голос в трубке холодный, железный.
«За вами придут! – предлагает лестно, —
Сопротивление бесполезно!»
О, боже мой, не звоните так поздно.
Трубка на рычаге повисла,
Сон улетучился, лезут мысли,
Вдруг окатило холодным смыслом:
Снова открыли охоту на автора.
Что приготовить? Ложку? Кружку?
И положить сухарей на сушку?
Опять придавил головой подушку...
Да, наплевать, подождут до завтра!
Утро вторгается незаконно,
Солнце промасленным лбом толоконным
Лезет в решётки рамы оконной
Только мне встать не хватает сил.
Сбросил тревожный сон – свобода,
Жизнь хороша, за окном погода,
Телефон молчит, отключён полгода,
Значит ночью никто не звонил.
Где-то за стенкой звенит будильник,
От света в углу прусаки смутились,
Выстрел взглядом в пустой холодильник —
Что ж, с едой можно повременить.
Нужно быть молодым и сильным,
Но от стихов, что внутри носились,
Веет холодом замогильным,
А надо как-то, на что-то жить.
Верить ли, презирать ли веру —
Эта проблема не номер первый,
И что там творится за атмосферой,
В общем, не каждому нужно знать.
Пару таблеток три раза в сутки,
Пиво, газеты, тупые шутки,
Да как посытнее набить желудки
И как бы подольше просуществовать.
Эти вопросы неотклонимы,
Тут не до лирики с пантомимой,
Как ни крути, а все цели – мимо.
И не хватает высоких слов.
Я не поэт, пусть другие «поэты»,

Всё равно найдут, у подъезда встретят.
Я получил призовое, третье,
Среди таких же, как я, ослов.
Мой эгоизм довольно плоский,
Сам бы с собой поступил по-скотски...
Где-то в Америке умер Бродский,
А я здесь нахально пишу его слогом.
Дело, конечно, не в плагиате,
Смысла больше в совковой лопате
Или в «душевнобольной» палате.
Пусть я – горшок, обожженный Богом.
Всё же философы были правы:
Вроде бы и времена, и нравы,
Но сладкозвучное слово «халява»
Косит под корень и правду и веру.
И вот чтобы было «и ныне, и присно»,
Чтоб окончательно не прокиснуть
Может быть, даже в петле повиснуть...
В общем, я принимаю меры!
Нет, не прослыть больным девиантом
Или пустоголовым франтом,
Но даже жить по заветам Канта
Не согласился бы в силу пороков.
Эгоистичные лень и трусость
Держат, не позволяют гнусно
Таскать вериги легко, как бусы
И быть в отечестве славным пророком.
Буду существовать обычно,
Делая вид, что мне так привычно,
В каждую дырку не лезть публично.
В целом, выглядеть как простак.
Буду тихо сидеть, не взвою,
Мягко лелеять свою паранойю,
Может быть выйду, в итоге, героем,
И, может быть, «подожгу рейхстаг»...
Но вся эта чушь весьма условна,
Не стоит её понимать дословно,
Я просто упрямец под знаком Овна
И кто его знает, что мне взбредёт.
Хочу – хохочу, захочу – рыдаю,
Когда замёрзну, когда растаю
И так незаметно вливаюсь в стаю.
О, боже, какой же я идиот!..
Ночь. На часах два двадцать восемь
Знобит. За окошком всё ещё осень
Со мною рядом лишь друг Иосиф
И тот упокоился в книжных страницах.
Хотел бы поспать, только сна уж нету.
Ну что ж... не кровати, так табурету.

В темноте, у окна дожидаюсь рассвета,
Чтоб видеть, как улетают птицы.

«На улицах погасили свет...»

На улицах погасили свет,
И движутся призраки редких машин.
На лицах последних прохожих снег,
Похожий на пыль постаревших картин.
Дорожно-ремонтных раскопок рвы,
Как будто могилы на чёрный день.
Прилегло бы на мокрое дно, увы,
Мешают скелеты заборов. Как тень
Вхожу в триумфальные арки дворов,
Но, вместо конфетного вкуса побед
И славы розовых лепестков,
Спиною чую плевки и бред.
Здесь проникаю в знакомый подъезд,
И не считаю квартиру клеткой.
Она – одно из любимых мест
И снова... ночь, тишина, таблетка.
Под утро сдался, печальный сон
Накрыл меня каменным одеялом.
Где-то тревожно звонил телефон,
Где-то по трубам вода бежала.
Где-то... но там меня уже нет.
Я испарился до горных вершин.
А на улицах тихо гасили свет,
И двигались призраки первых машин.

«Был человек и нет человека...»

Был человек и нет человека,
Был бы псом и не стало бы пса.
Бог – Айболит, а душа – калека
И вера как аспирин "Упса".
Легче стало? Да нет, не стало.
Стало хуже? Да вроде, нет.
Вроде и целого мира мало,
А вроде бы не хватает котлет.
Жил, как хотел, значит правильно жил и
Не перегнул с перестройкою мира.
Изо всех сил не вытягивал жилы,
Не был занюханным псевдо-кумиром.
Спрятав себя за седьмую печать,
Думал о мире нелестные вещи
И в пустоту всё пытался кричать,
Только на горле сжимались клещи.
Всё остальное в некоем разбросе,
Сил не хватает собрать этот "пазл".
Думаю даже никто не попросит
Поведать об этом печальный рассказ.
Что ж, успокоюсь, не так и хотелось,
Камнем возлягу к фундаменту здания,
И презирая телесную смертность,
Выключу разум, включу подсознание.

«Ночная лира снова не пришла...»

Ночная лира снова не пришла
Я ждал всю ночь и ждать осточертело
И мысли, словно "Красная стрела"
Несутся прочь. У мысли нет предела.
Внутри противный, давящий комок,
Дыхание со свистом рвётся выйти.
Вода в стакане. Яростный глоток.
И сердце бьётся с небывалой прытью.
Я подошёл к окошку, закурил.
По улице шагал один прохожий.
Остановился вдруг, заговорил
Со мной. Я еле удержался. Боже!
На нём одежда в точности моя,
Манера разговора идентична!
Я понял: это безусловно Я.
Ну что ж, слетел с катушек – и отлично.
Но Я мне вдруг сказал, что Я – дурак.
Я с гордостью отвечивал молчаньем.
А Я, помедлив, отошёл во мрак,
Прочь зашагал, ссутулившись печально.
Я отвернулся. Лиры нет и нет —
Ещё денёк мне вычеркнуть придётся.
Тут засиял очередной рассвет,
С таким прекрасно-ненавистным солнцем.

Я не виню ни музу, ни себя.
Так вышло, видно фатум того хочет.
Мне двери "с добрым утром" проскрипят,
А я отвечу им "спокойной ночи".

«Ночь, запах портвейна...»

Ночь, запах портвейна,
И я в труселях семейных.
Завешены ламбрекены
На окнах в доме у Лены.
Лена и я не спим,
Лена мне чешет спину,
Ловит меня на крючок,
А где-то сверчит сверчок.
Слабо свечатся свечи,
Лена мне чешет плечи.
Мысли парят налегке,
У Лены дырка в пупке.
Я к ней навеки приставлен,
В доме забиты ставни.
Мы уже долго вместе,
Ей триста лет, мне двести.
И всё это время, увы,
Лена и я мертвы.

«Где нет любви, летают мотыльки...»

Где нет любви, летают мотыльки.
И воля отдана кровавым розгам.
А мне бы въехать, затупив клыки,
В профилакторий для болезней мозга.

Мы любим мниться неизвестно кем.
О, Боже, нет! Опять транквилизатор.
Да будь ты проклят и стори совсем,
Взрастивший нас комфортный инкубатор!

Мел на лице заметен в темноте,
Гладь зеркала не льстит изображенью.
Но лишь, в святой увязнув простоте,
Мы не потерпим больше пораженья.

А кровь любви похожа на вино,
Я пил её, когда тебя не стало.
Но мне к тебе хотелось всё равно,
Ведь лишь тогда мне мира было мало.

Но нет тебя – я вою при луне.
И чувствую, что не дождусь рассвета.
Мы – просто сон. Мы навсегда во сне.
И мира нет, и нас с тобою нету.

«Дождь бесноватый скребётся в окошки...»

Дождь бесноватый скребётся в окошки,
От ветра спасения нет.
Мыслей безумные чёрные мошки
Стремятся пробраться на свет.
Пространство сжималось тоскливо и жутко —
Коварный Дамоклов меч.
А время сыграло со мной злую шутку
И начало медленней течь.
Так получилось, что выпали зубы —
Я стал не опасен судьбе.
Музыка липнет к словесному трупу,
Закончив по кругу бег.
Дым сигареты размоет, покажет
Картинку в мути стекла.
Может быть в зеркале правда? Не важно,
Я не смотрюсь в зеркала.
Кроваво-красный сигнал светофора —
Запрет на движенье вперёд.
И многоэтажек бетонная свора
Сомкнула вокруг хоровод.
Отсутствуя в теле своём до утра,
Пытаюсь прорваться в астралы.
Мы вольные птицы. Пора, брат, пора...
Упасть и разбиться о скалы.
И берег не манит ни свой, ни чужой
Своей глубиной и глубинкой.
Я просто дрейфую на рыбе большой
Пустой чужеродной икринкой.
В итоге, карабкаюсь в гору, смеясь,
Не зная что это такое.
И вот, на вершине, измазанный в грязь
Прошу у Вселенной покоя.
Крик в тишину и никто не ответил.
Напрасно горланила пасть.
Теперь можно плакать, ссылаясь на ветер,
А можно и вовсе пропасть.

«Семь. Камень. Огонь...»

Семь. Камень. Огонь.
Рыбы плывут иначе.
Солнца кровавый конь
Вдоль горизонта скачет.
Под оболочкой век
Радуга тихо тает.
В зеркале красный смех,
Внутри копошится стая.
Камень. Огонь. Семь.
Ветер гудит в постелях.
Губы дрожат. Ем
Снег, принесённый метелью.
В голову вбил грусть.
В ладонях дрожит сердце.
Луна холодна. Пусть
Заходит ко мне греться.
В бокале гранатовый сок,
Огненный лёд искрится.
Луна – голубой цветок.
Ей, как и мне, не спится.
Дым и тяжелый вздох.
Книга. Страницы. Буквы.
Время – болотный мох,
Годы – ягоды клюквы.
Чувствуешь кислый вкус,
Проглотишь – осталась горечь.
Доешь – кузовок пуст.
О чём, по итогу, спорить?
Рыбы плывут на свет.
Пару гудков коротких.
Первой любви след
В каждом стакане водки.
Что хорошо всем,
Связано лишь с обманом.
Утро. Часы. Семь.
Ангелы встанут рано.

«Каноиана прошла. Месяц бледеи, как сыр...»

Каноиана прошла. Месяц бледеи, как сыр.
И опять увлечен вереницею
Серых будней, опутавших внутренний мир,
Словно нити, сплетённые спицами.
Почитал, поразмыслил. Но больше без дел,
Был охвачен проклятою ленью.
На остатки невыпитой водки глядел
С отвращением сомнительной трезвости.
Я созвучен теперь с миллиардом людей,
Моё горе – боязнь грядущего.
В сердце жалость к себе, словно рыба в воде
Разгулялась, наевшись насущного.
Я, быть может, решил по простому пути
Зашагать без борьбы и без тактики.
Я решил не искать там, где можно найти —
Вот удобнейший жизненный практикум.
Почему? Невдомёк. Или просто боюсь
Каждый день признаваться в ужаснейшем:
Что кретин, самодур, что ленивец и трус
И не коркой являюсь, а мякишем.
Горделиво надеюсь признание снискать,
Ни единой не вздрогнув конечностью.
Одеяло, подушка. Зарыться и спать,
Только снами беседа с вечностью.
Сколько раз я уже на себя напенил,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.